

УДК 81'27

DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-1-54-77

ЛОЯЛЬНОСТЬ К ЧУВАШСКОМУ ЯЗЫКУ В ДИАСПОРНОЙ ГРУППЕ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА

М.В. Куцаева

Московский государственный лингвистический университет
Остоженка 38, стр. 1, г. Москва, Россия, 119034

Рассматривается категория «лояльность» на примере чувашского языка, который в настоящее время наряду с русским является титульным языком Чувашской Республики. В силу исторических факторов значительная часть этноса проживает в диаспорных группах вне метрополии. *Методы исследования:* интервьюирование респондентов, документальная фиксация ответов, статистический анализ, экстралингвистическая дескрипция. В социолингвистическом исследовании приняли участие сто респондентов, этнических чувашей, проживающих в Москве и Московской области. Были изучены и оценены такие аспекты языковой лояльности, как признание языка своего этноса родным; роль этнической принадлежности при выборе супруга/супруги; языковая трансмиссия; престиж и статус чувашского и других языков по оценке членов чувашской диаспоры. Диагностированы две тенденции в отношении чувашского языка: желание укрепить его в символической функции и расширить его коммуникативный диапазон.

Ключевые слова: языковая лояльность, чувашский язык, диаспора, родной язык, этнический язык, этническая идентичность, символическая функция языка

1. ВВЕДЕНИЕ

Языковая лояльность — это положительное отношение к языку, гордость и доверие, которую члены языкового коллектива испытывают к нему, престиж и статус языка. Языки приходят в упадок при отсутствии положительных установок [1. Р. 81]. Языковая лояльность, представляющая собой «совокупность внутренних оценок членов языкового коллектива коммуникативной пригодности и престижности языка своего этноса», определяет «степень приверженности к данному языку» [2. С. 261], а также является способностью «носителей языка противостоять давлению со стороны более мощных языков и сохранять использование своего языка» [3. С. 294].

Исследователи данной проблематики выделяют признаки, по которым можно судить о языковой лояльности народа, как-то: признание родным своего этнического языка, выбор языка в качестве средства общения и обучения, стремление к расширению социальных функций родного языка, изучение и сохранение культурного наследия на своем языке, передача языка подрастающим поколениям и др. При этом особо оговаривается, что языковая лояльность не одинакова для разных групп, определяется степенью урбанизированности (сельская/городская среда),

возрастным параметром (старше поколение/молодое поколение) и гендерным (мужские/женские показатели языковой лояльности), также меняется в определенный исторический период под воздействием экстралингвистических факторов (изменения демографической ситуации и национально-языковая политика [4. С. 185—188]).

С точки зрения некоторых лингвистов, уровень и тип лояльности к языку является «важнейшим критерием витальности языка» [4. С. 479]. Один из подходов к типологии языковой лояльности, разработанный каталанскими исследователями на основе двух параметров (речевые компетенции и сферы использования языка), учитывает четыре типа языковой лояльности: инструментальная первичная, инструментальная вторичная, инструментальная письменная и эвалюативная (оценочная) лояльность. Данные типы лояльности комбинируются друг с другом в пять типов отношения к языку:

— лояльные (высокий уровень лояльности по компетентности и эвалюативной лояльности);

— пользователи (высокая инструментальная лояльность, негативная лояльность по шкале письменной компетенции при позитивной эвалюативной лояльности);

— компетентные (достаточный уровень владения языком, но с отрицательными типами инструментальной и эвалюативной лояльностей);

— отношения идеализации (негативная лояльность во всем, кроме оценки эвалюативной лояльности);

— группа ассимилированных (никаких типов лояльности, которые бы оценивались положительно, плюс оценочная лояльность показывает, что они против языкового планирования в векторе нормализации) [4. С. 482—483].

Опираясь на предложенный подход, в настоящей статье мы ставим своей задачей описать языковую лояльность чувашей, проживающих в Москве и Московской области, в отрыве от основного «ядра» этноса, к чувашскому языку.

Методы и материалы. Референтная группа исследования включает более ста человек, которые идентифицируют себя как этнические чуваша. На основе ответов, полученных в ходе интервью, составлены таблицы по возрастным когортам для представителей первого и второго поколения. Ответы респондентов зафиксированы в точном соответствии с устной речью адресатов. Порядок слов, интонация и другие особенности речи представителей референтной группы сохранены.

Исторический комментарий. Чуваша — пятый по численности народ, проживающий на территории Российской Федерации. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в стране насчитывается 1 млн 436 тыс. чувашей.

В способе расселения чувашского народа этнографами традиционно выделяются некоторые важные особенности. С одной стороны, «чуваша являются одним из наиболее весомо представленных в своей республике титульных этносов» [5. С. 67]: это 43,3% всех чувашей, составляющих большую часть населения (67,7%) [6. С. 30]. С другой стороны, чуваша — один из наиболее дисперсно расселенных народов: вне Чувашской Республики проживает более половины этноса (50,8%). Крупные массивы чувашского населения, проживающего наиболее компактно, сосредоточены в Татарстане, Башкортостане, Самарской и Ульяновской областях.

Значительные группы чувашей расселены, хотя и менее компактно, в Красноярском крае, в Оренбургской, Саратовской, Тюменской, Свердловской, Пермской, Московской и Нижегородской областях [6. С. 3]. В Москве и области, согласно данным переписи 2010 г., зафиксировано порядка 14 тыс. человек, не образующих локально-территориальных ареалов. Таким образом, половина чувашей рассредоточена небольшими группами, а чаще всего диффузно на территориях целого ряда регионов России [5. С. 25].

Впервые о чувашской диаспоре наряду с другими заговорили в конце 1980-х гг., когда в связи с распадом СССР само понятие «диаспора» было пересмотрено. Была выделена новая типология диаспор, дифференцирующая их на внешние и внутренние (такие, как чувашская). Сегодня под «диаспорой» понимается «устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущая в иноэтническом окружении за пределами своей исторической родины (или вне ареала расселения своего народа) и имеющая социальные институты для развития и функционирования данной общности» [7. С. 33]. По убеждению В. Иванова, понятия «диаспора» и «метрополия» по отношению к чувашскому населению России имеют право на применение, так как этнической территорией (исторической родиной) для всех чувашей страны является Чувашская Республика. Чувашей, проживающих за пределами условных границ современной Чувашской Республики в других регионах России, следует рассматривать как «диаспорные группы этноса». Они образуют (скорее, конечно, условно, чем реально) самостоятельные этнотерриториальные группы, которые правильнее было бы маркировать по административно-региональным признакам («пензенские», «саратовские», «красноярские», «московские» и др.). При всем отличии по ряду культурно-языковых характеристик диаспорные группы сохраняют единство со всем народом в языке, этносознании, психологии и традиционной культуре [5. С. 309].

2. АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ

2.1 Этническая идентификация при выборе супруга

подавляющее большинство опрошенных нами — выходцы из Чувашии или из регионов компактного проживания чувашского населения. Представители как первого, так и второго поколения родились в основном в семьях, где оба родителя по национальности чуваша. Все опрошенные назвали себя этническими чувашами.

63 человека, представители первого поколения, состоят в браке, при этом у респондентов 30–40 лет и 50–60 лет заметно чаще супруг/супруга является чувашем/чувашкой (табл. 1). Как правило, они приехали в Московский регион, уже оформив брак в Чувашии; «привезли» будущего супруга с «малой родины» или «по счастливой случайности» познакомились с будущим супругом позже, в Москве. В настоящее время такие знакомства происходят чаще благодаря, например, интернет-сайту «Московские чуваша», где размещаются объявления о знакомствах; на чувашских вечеринках, которые регулярно проводятся группой активистов на различных танцевальных площадках столицы. По словам одной из активисток, за последние годы на подобных мероприятиях сложилось много чу-

вашских пар, позже сочетавшихся браком. Немало опрошенных нами в процессе исследования отметили, что с супругом одной национальности их сближает «сходство характеров», «привычный и знакомый уклад жизни», «душевная теплота», но прежде всего тот факт, что они — «земляки». Один из опрошенных, супруга которого русская по национальности, отметил, что для него чрезвычайно важно, что она родилась в Чувашии и они «оба из одного региона, в котором и теперь проживают их родители».

Чуваши, состоящие в браке с русскими и участвовавшие в нашем опросе (в старшей возрастной когорте), приехали в регион либо как молодые специалисты, либо как военнослужащие. Соответственно, с будущим супругом они познакомилась в Москве.

Чуваши младшей когорты (20—30 лет), как правило, получили высшее образование в Москве и по окончании учебы остались работать в столице, что в некоторой степени определило национальный состав их будущей семьи.

Таблица 1 / Table 1

Всего опрошено: 81 чел. — первое поколение, их них 63 — состоят в браке / 81 persons had been interviewed, 63 of them are married.

Национальность / Nationality	Возраст / Age 20—30	Возраст / Age 31—40	Возраст / Age 41—50	Возраст / Age 51—60	Возраст / Age 61—85
Чуваш / Chuvash	1	12	3	12	7
Русский/русская / Russian	4	1	7	5	5
Другое / Other	1	3	1	1	

Во втором поколении чуваша не придают принципиального значения национальности супруга.

2.2 Этническая идентификация детей и отношение к браку внутри одного этноса

В анкетировании нами были учтены также ответы на вопрос о национальности детей (табл. 2). В первом поколении 55 человек имеют детей. В чувашских браках национальная идентификация детей не вызывает сомнения: «Это одна кровь», «Как же может быть иначе, если родители — чуваша». В смешанных чувашско-русских браках в возрастном диапазоне от 40 до 50 лет дети чаще «вырастают» русскими или «россиянами», «гражданами РФ». Наиболее интересными, впрочем, представляются возрастные группы 30—40 лет и 61—85 лет. Первые проявляют высокое этническое самосознание, обозначая, что их дети, родившиеся в Москве, «все равно чуваша». Вторые называют своих детей в большей мере «русскими» по национальности, даже если оба родителя — чуваша.

Таблица 2 / Table 2

Кто по национальности ваши дети? / What is your children's nationality?

Национальность / Nationality	Возраст / Age 20—30	Возраст / Age 31—40	Возраст / Age 41—50	Возраст / Age 51—60	Возраст / Age 61—85
Чуваши / Chuvashes	2	7	3	12	5
Русские / Russians		1	5	6	8

Окончание табл. 2 / Table 2

Национальность/ Nationality	Возраст / Age 20—30	Возраст / Age 31—40	Возраст / Age 41—50	Возраст / Age 51—60	Возраст / Age 61—85
Россияне / Russian People		4	1		
Затрудняюсь отве- тить / I find it difficult to answer				1	

Результаты, отраженные в табл. 3, свидетельствуют о том, что в подавляющем большинстве случаев опрошенные считают непринципиальным вопрос о том, с кем предпочтителен брак для их детей.

Среди тех, кто отдал бы предпочтение чувашам, были только женщины.

«Да, хотела, когда они подросли. Мне так хотелось! Чтобы вот они... хотела просто — для себя мне хотелось... Чтобы вот зять у меня был чувашин, чтобы вот общение на одном языке.... Но Господь не дал!» (Анна М., 65 лет)

Сын Зои А., выросший в Московской области, напротив, познакомился в Москве с девушкой, которая была родом из Чувашии:

«Конечно, как узнала, что она из Вурнары, обрадовалась! По-чувашски разговариваем и это... Ну вот... Не женился. Но она вот... проще, как будто свое было все равно!» (Зоя А., 58 лет).

Неожиданными кажутся ответы молодых родителей из когорты 30—40 лет, среди которых наибольшее число женщин заявило о желании иметь в будущем чувашскую сноху.

«Я за чувашку — только “за”! Знаете, почему? Сколько сейчас я вижу знакомых парней, которые женились на русских, они все равно приходят на вечеринки и говорят, что чего-то прямо не хватает... Понимания. Может, даже поругаться на чувашском». (Эльвира Е., 37 лет)

«С чувашкой, наверное. Я не буду настаивать. Это его право, я не настаиваю, но я думаю, что с чувашкой будет проще, потому что так... проще. Ну, во-первых, родители чуваша, все равно какие-то принципы. Но я люблю как бы общаться с людьми, которые не чуваша, и люблю рассказывать о нашей национальной какой-то культуре. Мне это нравится. Русскую могу сделать чувашкой, но по чуть-чуть.. наполовину хотя бы сделаю. Принципы я передам. Основы». (Татьяна И., 35 лет)

Таблица 3 / Table 3

**С кем предпочтителен брак для Ваших детей?
Первое поколение, 55 человек из 81 имеют детей /
Who is preferable for marriage for your children?
The first generation, 55 people of 81 have children**

Национальность/ Nationality	Возраст / Age 20—30	Возраст / Age 31—40	Возраст / Age 41—50	Возраст / Age 51—60	Возраст / Age 61—85
Чуваш / Chuvash		4	1	3	2
Русский / Russian			1		
Чуваш или русский / Chuvash or Russian		2	1		
Все равно / It doesn't matter	2	6	6	16	11

Во втором поколении семь из девяти родителей указали, что данный вопрос им кажется также непринципиальным. Двое, наоборот, выразили желание, чтобы это был человек из Чувашии.

«Ну... если бы они потом женились на чувашке... я была бы не против! Ну как-то ближе, роднее. Ну вот... душой как-то». (Татьяна А., 35 лет)

Во втором поколении был единственный в нашей выборке мужчина, который хотел бы,

«чтобы они... связали свою жизнь с чувашами. Как-то мне вот нравится быть чувашем, я бы тоже хотел, чтобы они тоже...» — «А они как?» — «Им, кажется, совершенно параллельно!» (Александр, 49 лет)

Таблица 4 / Table 4

С кем предпочтителен брак для Ваших детей? Вторая волна, 9 из 14 человек имеют детей / Who is preferable for marriage for your children? The second generation, 9 people of 14 have children

Национальность / Nationality	Возраст / Age 15—30	Возраст / Age 31—40	Возраст / Age 41—50	Возраст / Age 51—60	Возраст / Age 61—85
Чуваши / Chuvash		1	1		
Русские / Russians				1	
Чуваш или русский / Chuvash or Russian					
Все равно/ It doesn't matter	1	2	2		1

Эти данные свидетельствуют об этнической идентичности представителей нашей выборки; некоторые ответы проливают свет и на языковую лояльность части чувашской диаспоры, поскольку считается, что «владение национальным языком оказывается, не единственным, но решающим фактором этнической идентификации» [2. С. 72—73].

2.3. Языковая лояльность

Перейдем непосредственно к вопросу языковой лояльности, проявляющейся, в частности, «в признании родным своего этнического языка» [2. С. 262].

Родным принято называть «язык, усвоенный в детстве, навыки использования которого в основном сохраняются и во взрослом возрасте» [8. С. 17], это «язык колыбели» [2. С. 187]. Бывают случаи, когда человек усваивает и другие языки, которые становятся для него функционально первыми, основными [2. С. 187; 8. С. 17]. Таким образом, данное определение «родного языка» выступает синонимом «первого функционального языка». «В строгом смысле слова, родным языком вправе называться тот язык, которым человек преимущественно пользуется в семье и в воспитании детей, на производстве и в учебе, язык, на котором он свободно мыслит, творит и развивается» [9. С. 136]. Наконец, «родной язык» может совпадать с «этническим языком», выступать одним из основных показателей национальной принадлежности независимо от степени владения данным языком.

Обширный диапазон дефиниции объясняется по крайней мере двумя факторами. Во-первых, несмотря на использование термина «родной язык» в юриди-

ческих актах (ст. 26 и п. 3 ст. 68 Конституции РФ), само понятие не определено законодательно в Конституции Российской Федерации [10. Р. 152].

Во-вторых, категория «родной язык» хотя и нашла широкое отражение в переписях населения в советский период и в современной России, была, однако, неоднозначной. Если в переписи 1926 г. родным признавался тот язык, «которым опрашиваемый лучше всего владеет или на котором обыкновенно говорит», то в ходе проведения последующих переписей «фиксируется название языка, который сам опрашиваемый считает своим родным языком». Предполагалось, что опрашиваемый сам вправе решать, какой язык для него родной. Основания у респондентов назвать тот или иной язык родным были различны. Нечеткая и допускающая толкования категория «родной язык» приобрела вполне определенный смысл, констатирует В. Тишков. Во-первых, у человека обязательно должен быть родной язык, и притом только один; во-вторых, абсолютной нормой является совпадение языка и национальности; в-третьих, невладение родным языком или расхождение между родным языком и национальностью свидетельствуют о процессе ассимиляции и являются отклонением от нормы. В конечном счете, продолжает В. Тишков, советский человек, обученный пропагандой и подсказками переписчиков, упорно и убежденно называл родным язык своей крови, а итоговые данные однозначно трактовались не только политиками, но и учеными-лингвистами как реальная картина языковых процессов [11].

По сути, ответ на вопрос о родном языке несет в себе данные «об одной из субъективных сфер этнической жизни» и говорит не только «о реальном языковом поведении, но и об эмоциональном отношении к национальному языку, о ценностной ориентации по этому поводу, о признании или непризнании языка своим, близким, одним словом, родным» [11. С. 95]. И «никакие инструкции не помогут составить абсолютно объективную картину, так как сами понятия *национальность, родной язык, свободное владение языком* и т.п. субъективны. Задача статистики в таких случаях — создание объективной картины субъективных мнений» [12. С. 13]. Обратимся к табл. 5, в которой представлены результаты ответов на вопрос о родном языке среди участников нашего исследования.

Таблица 5 / Table 5

**Ваш родной язык? Первое поколение, 81 человек /
What is your native language? The first generation, 81 persons**

Родной язык / Native language	Возраст / Age 20—30	Возраст / Age 31—40	Возраст / Age 41—50	Возраст / Age 51—60	Возраст / Age 61—85
Чувашский / Chuvash	7	15	6	14	5
Русский / Russian	6	3	2	3	6
Чувашский и русский / Chuvash and Russian	3	4	1	4	2

Более половины опрошенных признали чувашский родным языком, на втором месте оказался русский язык, наконец, для ряда людей оба языка — и чувашский, и русский обозначены как родные. В каждой возрастной когорте, за исключением самой старшей, чувашский, безусловно, лидирует.

Однозначно чувашский язык признало очевидное большинство в когортах 30—40, 40—50, 50—60 лет, большинство их них — выходцы из деревень. В более

старших когортах это люди со средним специальным образованием, в самой младшей — люди с высшим образованием, в некотором роде «продукт» политики последних десятилетий в отношении поднятия престижа чувашского языка и возрождения чувашской культуры. Причины назвать чувашский родным варьируются. С одной стороны, это язык детства:

«У меня изначально был чувашский язык, значит, он родной» (Алексей Х., 30 лет); язык малой родины:

«Родной язык, если я в Чувашии родился, какой может быть язык? Ну... то есть чувашский». (Владимир М., 62 г.)

С другой стороны, в ответах опрошенных встречались и такие, весьма условные и даже неопределенные:

«Чувашский — считается родным, в школе, когда мы учились, нам так говорили, но сейчас, конечно, используется минимально» (Елена Т., 34 г.); «Ну считается чувашский ... как бы» (Аркадий П., 51 год); «Родной язык — чувашский, получается» (Леонид П., 62 г.); «Но я себя ощущаю и ощущала русской!» (Кристина, 23 года)

Несколько респондентов, в основном женщины, заявили следующее:

«Я все равно считаю, что чувашский, хотя я его не знаю» (Любовь Я., 58 лет). «Ну, родной язык, считается, чувашский. — А Вы как считаете? — Я, наверное... Ну вот сейчас с людьми общаемся когда, я говорю, что чувашский — это наш родной язык, но все равно сейчас, наверное, это началось после того, как в город переехали, в Чебоксары, на учебу, начинаешь уже больше говорить на русском, думать на русском... Некоторые слова уже забываются. Но в переписи я бы поставила, что только чувашский» (Анна М., 38 лет).

Другая группа людей признала оба языка родными. В основном это люди 20—30 лет, выходцы из деревень, получившие образование в городе и уже, вероятно, информированные о ценностях двуязычия — такая работа, как мы знаем, активно ведется в Чувашской Республике в последнее время [13].

«Наверное, все-таки... ну тоже два родных языка, у меня нет как-то таких различий, я и на этом, и на том могу одинаково хорошо говорить, и примерно 50 на 50. И со своими, ну те, кто там живут, на своем... лексиконе, жаргоне, ну да, языке». (Сергей Т., 21 год)

Ответы людей старшего возраста, занесенные в категорию «чувашский и русский как родные языки», впрочем, приходилось дополнительно «расшифровывать», поскольку в нашей стране в силу указанных выше обстоятельств родным принято считать только один язык, и многие информанты, называя чувашский родным, поспешно делали оговорку: русский в их жизни также играет немаловажную роль. Так, известно, что служба в Советской армии в немалой степени способствовала распространению русского языка в СССР. В ходе исследования мы получили этому подтверждение:

«Ну вот в анкете же пишешь, когда на профпригодность проверяют, там же требование к офицеру — ты должен знать русский язык; «А какие другие языки народов СССР знаете?» — спрашивают. Я, конечно, пишу: чувашский». (Вячеслав И., 56 лет)

Референтная группа в возрасте 30—40 лет, включающая людей с высшим профессиональным образованием, имеет тенденцию разделять два языка:

«Теоретически чувашский, а в принципе — русский. Сейчас я только на русском, я хорошо понимаю чувашский, но в связи с тем, что практики мало — именно говорить чтобы. А в переписи я бы указала все равно чувашский — национальный дух какой-то все-таки есть! (Наталья Я., 32 г.); «Первый — чувашский, это в детском возрасте, язык мамы, но в переписи я бы указала все же русский язык, потому что общение и возможность выражать свои мысли и эмоции — этих возможностей сейчас больше на русском» (Татьяна Ю., 36 лет). «У меня родной язык чувашский, я считаю так, но получается, что русский тоже — он как бы не совсем чужой. Но все равно — чувашский родной, потому что мы с родителями разговариваем по-чувашски, значит, он родной и есть» (Татьяна Т., 36 лет).

Симптоматично, что в нашей выборке женщины более старшего возраста, которые фактически используют русский язык, указывают следующее:

«Мой родной язык всегда останется мой чувашский! Хотя я со всеми разговариваю по-русски, работаю со всеми, но — чувашский!» (Надежда, Л., 53 года). «Родной? Ну конечно, теперь — русский! А вообще чувашский родной! Ну конечно, свой — чувашский! А сейчас-то я уже совсем по-чувашски не разговариваю, дома-то у меня никто не разговаривает». (Роза О., 45 лет)

Действительно, категория «родной язык» при всей размытости и многоаспектности понятия (материнский, функционально первый, этнический язык), тем не менее, для большинства тюркоязычных этносов (включая чувашей) связана с понятием *своей народности* независимо от степени владения этим языком и является одним из основных показателей национальной принадлежности [15. С. 60]. Одной из причин признания этнического языка родным вопреки реалиям жизни и использованию другого (чаще русского языка в качестве функционально первого) представляется желание символической идентификации себя со своим этносом, причем «вне окружения своих соплеменников это происходит чаще» [8].

На деле, однако, различные факторы, как-то: социальная принадлежность, образование, способ расселения (преимущественно город и ПГТ), а также религиозная принадлежность (распространение православия среди чувашей, например, способствующее интеграции культур обоих народов), дисперсный способ расселения за пределами основной территории проживания ядра этноса — оказывают существенное влияние на «увеличение доли представителей тюркских и прочих народов, у которых национальная принадлежность не совпадает с языками, признаваемыми им в качестве родных [15. С. 60].

В рамках нашей выборки стало очевидным, что наибольшее в пропорциональном плане число респондентов, указавших русский в качестве родного, приходится на самую старшую возрастную когорту, в основном, видимо, в силу продолжительного проживания вне малой родины:

«Теперь, ну конечно, русский, чувашского нет, годам к тридцати кончился» (Раиса К., 83 г.); «Ну я не знаю... чу... конечно, русский! Я сейчас столько лет разговариваю! Дети — по-русски, жена... (Василий Л., 76 л.); «Ну я теперь считаю... русский, наверное. Потому что... основной.. мы разговаривали только на русском языке» (Юлия А., 84 года).

Другие свой ответ мотивировали принципами советской образовательной системы, допускавшей преподавание языков народов СССР лишь в национальных школах в деревнях.

«Ну у меня родной язык — я пишу, русский. Почему? Потому что.. можно было и чувашский написать, но в школе... так получилось, что Вурнары — есть такое место, район, где у нас школа... не чувашская, вернее, чувашская, но чувашский язык не изучался. А чтобы сказать, что я чуваш, надо знать язык досконально, хорошо» (Анатолий Г., 73 года); «Русский. Не учил просто чувашский, поэтому!» (Евгений С., 36 лет).

Наиболее эмотивным кажется признание Александра М., 44 г.:

«Родной язык... русский. Когда родился, разговаривали в деревне по-чувашски. Потом, соответственно, два года в детском садике был. Перешли родители на русский, чтобы не было мне дискомфорта там. В новой среде, да. Детский сад и школа — это все было в городе. В Чебоксарах. В Советском Союзе... даже стеснялись не то, что говорить... вообще говорить, что чувашаи даже. Был такой период в самой Чувашии в Чебоксарах. Но вот раньше...по сути, такая политика была. Я с негативом, с очень большим негативом отношусь к этой политике, которая проводилась вообще у нас в Советском Союзе. По отношению к языкам. Потому что, конечно, сейчас смотришь на 80-е годы, ну вот... я вот говорил... Ну вот стыдно было говорить, что я чуваш! Там вот дразнили. В городе. В детском садике вот дразнили... может быть, я детское впечатление... от детского садика и ранней школы. Ну вот, может быть, детское, но мне так запало... Вот. Ну ко мне подошли: «Покажи язык!» Ну сказали мне. Ну я вот показал. — «Ну вот ты чуваш!» — «А с чего вы взяли?» — «А вот», — говорят, — «кто показывает русский — у него такой тонкий язык. Тонкий получается. А у тебя такой круглый...» Ну было что-то такое, у нас ходили все в первом классе... «Покажи язык!» Я, говорю, даже старался подогнуть, чтобы думали, что я русский... Ну там еще много других было моментов, когда дразнили. Я даже не говорил, когда в школу пришел, что я из деревни. Потому что... как-то сразу начинали дразнить. И вот еще такое впечатление. Я в северо-западном районе жил, и у нас буквально через дорогу была небольшая деревенька. Самое интересное — там даже остались некоторые люди, говорили на чувашском... говорили частично, особенно старое поколение. И вот у нас учились оттуда, их дразнили: «Вот там... чувашаи-чувашаи!» (Александр М., 44 года)

Безусловно, в настоящее время зафиксировано более положительное отношение среди горожан к чувашскому языку по сравнению с предыдущим поколением ввиду того, что чувашский язык получил статус государственного и имеет большое число говорящих [14. С. 86]. Один из опрашиваемых, уроженец Новочебоксарска, указавший русский язык в качестве родного, сказал:

«Я думаю, чувашский язык все время мне будет встречаться. Изучить его, посмотреть что-то в словаре — это же не сложно. Если вдруг где-то слово незнакомое услышу, я его запомню. Со школы что-то осталось в голове все-таки, каркас какой-то. Чувашский использовать для меня — это если приятному родственнику сказать, например». (Алексей, 29 лет)

Другой респондент, родившийся в Чебоксарах и назвавший родным русский, тем не менее в беседе с нами признался, что даже сейчас чувствует «особую радость

от того, что с детства, выезжая на лето в деревню, говорил на двух языках» (Дмитрий Т., 24 года):

«Я думаю, все это сильно развило мой мозг. Этому я благодарен. Одно дело, когда во взрослом состоянии пытаешься учить язык, а другое дело — когда с детства умеешь говорить на двух языках. Мне кажется, это очень хорошо для развития человека».

В обыденном сознании носителей до сих пор твердо убеждение в том, что чувашский язык — это язык деревенский. Это подкрепляется тем фактом, что обучение на чувашском языке проводится исключительно в деревенских школах республики. Лингвисты выявили следующее: «чувашеговорящие чаще всего занимаются трудом малоквалифицированным, с низкими доходами», по крайней мере так считают опрошиваемые [13. С. 74]. Естественно, чем более сильной является идентификация между чувашским языком и деревней, тем более склонными к русификации будут горожане [14. С. 16]. Этим, по-видимому, можно объяснить и ответы в когорте 20–30 лет: из них почти столько же человек назвали родным русский, сколько и чувашский, с той лишь разницей, что в данном случае это представители городской среды, родившиеся или выросшие в Чебоксарах, крупных и малых городах Чувашии, а также ПГТ. Сами опрошенные свой ответ ничем не мотивировали. Лишь один из них, уроженец Чебоксар, заявил:

«Чувашский язык даже на слух мне крайне неприятен» (Никита Ф., 31 год).

Во втором поколении результаты следующие (табл. 6).

Таблица 6 / Table 6

**Родной язык — второе поколение, всего: 14 человек /
Native Language: the second generation, total: 14 people**

Родной язык / Native language	Возраст / Age 15–30	Возраст / Age 31–40	Возраст / Age 41–50	Возраст / Age 51–60	Возраст / Age 61–85
Чувашский / Chuvash	1		1		
Русский / Russian	5	3	1	1	1
Чувашский и русский / Chuvash and Russian			1		

Подавляющее большинство представителей чувашской национальности в нашей выборке во втором поколении родным признает русский язык, поскольку

«мой родной язык — тот, на котором я разговариваю, а значит — русский» (Алексей А., 32 года). «Я не знаю чувашский, поэтому я могу только сказать то, что русский — мой родной язык. Я говорю на русском» (Татьяна С., 27 лет).

Лишь две женщины признали чувашский родным: одна из них овладела чувашским в детстве, на лето уезжала в деревню, а в Москве, по ее словам, по собственной инициативе посещала кружок чувашской культуры и языка; другая была вынуждена освоить чувашский язык, уже будучи взрослой, когда вышла замуж за чуваша первого поколения:

«Потом мне очень хотелось со свекровью говорить. Научилась. Свекровь меня не признавала, что я не совсем чувашка, раз чувашского не знаю. Ее это волновало... Она меня в штыки приняла! Она из принципа на русском никогда не разговаривала! Во-

обще. Ни с кем. Но я каждое лето с детьми к свекрови ездила. Мы становились дружнее, дружнее. Даже за два дня до ее смерти мы с ней очень хорошо, тепло поговорили по телефону на чувашском. Она была очень радостная от этого». (Людмила О., 47 лет)

Немаловажным представляется и то, как люди, признавшие чувашский родным языком, оценивают свои шансы сохранить язык вдали от малой родины. Рассмотрим полученные данные в табл. 7. Нами учтены ответы 47 человек с родным чувашским и 14 человек с чувашским как одним из двух родных языков; итого — 61 человек.

Таблица 7 / Table 7

Есть ли у Вас страх потерять родной язык? / Are you afraid of losing your Native Language?

Страх потерять родной язык / The fear of language loss	Возраст / Age 20—30	Возраст / Age 31—40	Возраст / Age 41—50	Возраст / Age 51—60	Возраст / Age 61—85
Да, есть / Yes, I feel it	3	1	1	2	
Нет / No, I don't worry about it	7	18	6	14	5
Все равно / It doesn't matter				2	2

Как показывают результаты табл. 7, у большинства чувашей, проживающих в Московском регионе, отсутствует страх потерять родной чувашский язык:

«Это язык матери», «Этот язык у нас с детства», а значит — «Его невозможно забыть», — неоднократно подчеркивают они.

Опрошенные уверены в своем знании языка:

«Я не забуду, в себе я уверенный» (Петр А., 59 лет).

Попутно отметим, впрочем, что реальный уровень владения языком нами не учитывался, в таблицу внесены субъективные ощущения опрошенных. Представители более молодого поколения уверены не столько в себе и своем знании языка, сколько в возможностях, предоставляемыми современными телекоммуникациями:

«Забыть родной язык в условиях интернета и прочих коммуникаций просто невозможно!» (Дмитрий М., 29 лет)

Однако некоторые представители диаспоры замечают, что их уровень владения языком постепенно ухудшается.

«Я стала не так красиво говорить, как те, кто живет там, и это, конечно, неприятно». (Ирина, 44 года)

Другая респондентка, когда-то обучавшаяся на факультете чувашской филологии, отметила:

«Литературный язык я не помню уже, помню только свой диалект. Вот это я воспринимаю, а в Канаше как-то услышала в маршрутке у водителя передачу. Думаю: «Что это за язык?» Даже не понимаю! Тем более, это культурная передача — они же стараются литературно разговаривать». (Лилия Е., 36 лет)

Приведем свидетельство одной из немногих адресатов, кто признался, что боится забыть родной чувашский язык:

«Страх появился лет пять назад, когда я поняла, что мой запас чувашского языка понемногу иссякает. Была очень смешная история, когда мы с подружкой долго не могли вспомнить какое-то слово на чувашском. Мне стало безумно стыдно, я поняла тогда, что надо разговаривать, и с тех пор я стараюсь регулярно общаться. Тогда же пришлось обратиться к другу, чтобы вспомнить, как будет по-чувашски «заяц». Если не используешь эту речь, слова понемногу забываются все равно». (Алина, 24 года).

Респонденты с некоторым сожалением отмечают, что страх потери языка касается не их самих, а скорее их детей, которые родной чувашский язык со временем забудут, проживая вне Чувашской Республики. Опасения родителей вовсе не беспочвенны. В ходе исследования респондентам, представителям первой волны, был задан вопрос о том, какие языки, по их мнению, необходимы или понадобятся в будущем им или их детям. Ответы представлены в табл. 8.

Таблица 8 / Table 8

Какой язык/ какие языки, по Вашему мнению, необходимы Вашим детям или понадобятся им в будущем? Первое поколение — 81 человек / Which Language/Languages, in your opinion, are necessary for your children now or in future?

Язык/ языки / Language/ Languages	Возраст / Age 20—30	Возраст / Age 31—40	Возраст / Age 41—50	Возраст / Age 51—60	Возраст / Age 61—85
Русский / Russian		1		10	11
Русский и чувашский / Russian and Chuvash	2	2	3	5	1
Русский и англий- ский / Russian and English	8	9	3	4	1
Русский, чувашский, английский и другие иностраные языки / Russian, Chuvash, English and other foreign languages	6	10	3	2	

Рассмотрим ответы каждой когорты по отдельности. Самое старшее поколение нашей выборки (респонденты старше 60 лет) считает приоритетным знание русского языка, что не удивительно, учитывая их жизнь в условиях языковой политики русификации, проводившейся в СССР с конца 1950-х гг. Был произведен переход от национально-русского к русско-национальному двуязычию (или даже одноязычию) путем ослабления позиций национальных языков и усиления роли русского языка как средства межнационального общения (в образовательной сфере, в ходе индустриализации и урбанизации, охвативших многие регионы страны, в том числе и ЧАССР).

Респонденты 50—60 лет в нашей выборке приоритетным назвали русский язык, однако здесь появляются практически равнозначные по количеству варианты: необходимо знание «чувашского и русского языков» или «русского и английского». Представители возрастной группы 40—50 лет равнозначно расставили приоритеты между различными вариантами. Люди 30—40 лет, уже обзаведшиеся се-

мьями и детьми, считают одинаково необходимым знание либо «русского и английского», либо «русского, английского и чувашского». Представители самого молодого поколения в нашей выборке делают в большинстве своем ставку на английский и русский языки, хотя отмечают важность знания чувашского. Таким образом, позиция чувашского языка, а значит, и его престижность усиливается в младших возрастных когортах, что вполне закономерно и является следствием мобилизованного лингвицизма (М. Губогло) 1980-х гг., принятия законов о языках, реформ в области образования, в частности в отношении преподавания титульных языков.

Отметим роль, которая отводится чувашскому языку. С одной стороны, это идеализированные представления молодых людей о языковой трансмиссии:

«Языки родителей нужно знать, чтобы понимать бабушек и дедушек» (Евгений, 32 года), «Английский, русский, чувашский — они должны знать, что они не совсем как бы русские, что есть свои культурные корни» (Дмитрий Т., 24 года).

В процессе воспитания детей, однако, ситуация меняется. Возникает функциональная языковая асимметрия, когда необходимость в знании родного языка уступает место более широким коммуникативным возможностям русского. Желание, чтобы дети знали родной язык родителей, остается, но оно трудноосуществимо на практике. Вот что отмечают респонденты:

«Хотелось бы, чтобы чувашский они знали, но они понимают немножко... немножко совсем, потому что в городе мы живем» (Владимир С., 59 лет), «Вопросов не возникало — однозначно, только русский первый, иностранный, ну и родной язык родителей надо знать, но усилий особых я для этого не прикладываю» (Татьяна Ю., 33 года). «Чувашский хотелось бы, чтобы дети знали, особенно дочь Анфиса (6 лет), вот когда она родилась, мы еще себе сказали, что постараемся, чтобы она чувашский знала обязательно. Хотя бы чтобы понимала. Но достичь этого практически сложнее, потому что мы не оставляем там ее... Вот если бы, может, на месяца три оставляли, тогда вот... А так мы ездим на месяц, я считаю, конечно, это маловато. Там у нее много двоюродных. Вот она знает «я тебя люблю». А вот как «кошка», «собака», — пока не знает. Но в целом, мы очень хотим, чтобы она знала!» (Наталья С., 32 года).

Механизм языковой трансмиссии, как видим, не налажен, она осуществляется лапидарно, ситуативно. Не наблюдается систематических усилий в передаче родного языка со стороны родителей; интергенеративная трансмиссия осуществляется, чаще всего *через поколение*. Часто языковая преемственность «прикреплена» к деревне, которая долгое время считалась «неисчерпаемой житницей, вечно доставляющей новые поколения чувашеговорящих» [13. С. 74]. Однако тенденция русификации деревни с каждым годом усиливается.

В дальнейшем, когда дети вырастают, у родителей возникает сожаление относительно того, что чувашский язык они не освоили:

«Вопроса не стояло в нашей семье, жена у меня русская, дети, к сожалению, чувашского языка не знают. Только пару слов. «Спокойной ночи», например. Мало ездим. А дети — они ведь быстро схватывают, когда приезжают, общаются. Мы мало ездили, служили, на деревню мало времени оставалось. Но это мое упущение, моя вина в этом. Признаю, что мои дети мой родной язык не знают. Два года назад в последний раз

были, бабушка с внуками на ломаном русском общается, у нее чувашский в основном, русский у нее не чистый, но для общения с внуками хватает. Ну и русский там все знают с малолетства. Сейчас же телевизор, интернет, ну и сами они, к сожалению, чувашским не интересуются» (Сергей И., 47 лет).

Мнение тех, кто не назвал чувашский язык среди приоритетных, подвержено «духу утилитаризма». Они со всей ясностью демонстрируют также типичное отношение к чувашскому языку как языку деревенскому, который вряд ли пригодится в будущем городским жителям (наши респонденты в подавляющем большинстве жители Москвы и крупных населенных пунктов Московского региона).

«Чувашский — не думаю, что он жизненно необходим» (Алексей, 29 лет); «Здесь чувашский не понадобится» (Надежда, 26 лет); «Язык нужен тот, где дети живут, раз здесь, тогда русский и иностранный какой-нибудь» (Дмитрий М., 32 года); «Русский и английский, ну если бы в Чувашии жить, тогда...» (Евгений Б., 27 лет); «Русский — в первую очередь, самый главный язык, потом еще иностранный, конечно, английский. А если в Чувашии, то и чувашский, но я-то здесь!» (Юлиана, 26 лет); «Ну и зачем им чувашский нужен? Они же в деревню жить не едут» (Петр М., 70 лет).

Во втором поколении вырисовывается следующая ситуация с языковыми предпочтениями респондентов (табл. 9).

Таблица 9 / Table 9

Какой язык / какие языки, по Вашему мнению, необходимы Вашим детям или понадобятся им в будущем? Второе поколение — 14 человек / Which Language/Languages, in your opinion, are necessary for your children now or in future?

Язык/языки/ Language/ Languages	Возраст / Age 15—30	Возраст / Age 31—40	Возраст / Age 41—50	Возраст / Age 51—60	Возраст / Age 61—85
Русский/ Russian					
Русский и чувашский/ Russian and Chuvash			1		1
Русский и английский / Russian and English	2	3	1	1	
Русский, чувашский, английский и другие иностранные языки / Russian, English, and other foreign languages	4		1		

Молодые люди в когорте 20—30 лет, назвавшие вариант «русский, английский, чувашский», с одной стороны, понимают сегодня важность многоязычия, хотя выучить язык родителей и, более того, изучают чувашский на курсах. С другой стороны, остается открытым вопрос, как они сами на практике смогут обучить своих детей такому количеству языков, особенно чувашскому.

В связи с этим в нашем исследовании 55 респондентам первого поколения, имеющим детей, был задан вопрос о том, хотели бы они, чтобы в Москве или

области преподавался чувашский язык. Полученные результаты выглядят следующим образом (табл. 10).

Таблица 10 / Table 10

Хотели бы Вы, чтобы здесь преподавался чувашский язык? Первое поколение – 81 человек, из них 55 человек имеют детей / Do you want it to be special courses of Chuvash Language here in Moscow? The first generation, total – 81 persons; 55 of them have children

Ответ/ Answer	Возраст / Age 20–30	Возраст / Age 31–40	Возраст / Age 41–50	Возраст / Age 51–60	Возраст / Age 61–85
Да/ Yes	1	8	6	13	3
Нет / No		2	1	4	4
Все равно/ Затрудняюсь отве- тить / It doesn't matter / It is difficult for me to answer	1	2	2	2	6

В целом, реакция на вопрос о преподавании чувашского языка была положительной, даже если респондент до сегодняшнего дня

«как-то не задумывался об этом, но пусть преподают, ведь чуваш должен знать свой язык» (Вячеслав У., 60 лет).

Некоторые участники беседы располагают информацией о том, что при полномочном представительстве Чувашской Республики в Москве в течение ряда лет открыты бесплатные курсы чувашского языка, посещать которые может любой желающий. В основном, что закономерно, контингент учащихся сформирован из этнических чувашей, проживающих в регионе. Дополнительно тем респондентам, которые с энтузиазмом восприняли идею о преподавании этнического языка, был задан вопрос о том, способствовали бы они изучению чувашского языка своими детьми. Рассмотрим полученные данные в табл. 11.

Таблица 11 / Table 11

Стали бы конкретно Ваши дети посещать курсы чувашского языка в Московском регионе? / Would your children learn Chuvash here, in Moscow region?

Ответ/ Answer	Возраст / Age 20–30	Возраст / Age 31–40	Возраст / Age 41–50	Возраст / Age 51–60	Возраст / Age 61–85
Да/ Yes		3	2	2	1
Нет/ No		3	1	1	1
Затрудняюсь отве- тить / I can't answer	1	2	3	10	1

Ответы респондентов можно разделить на три категории. Первая категория, довольно немногочисленная, включает чувашей, которые положительно относятся к идее преподавания чувашского языка в Москве или области и хотели бы отправить туда своих детей:

«Я был бы доволен, если бы были курсы, я бы ребенка с удовольствием туда, чтоб он изучал его. Я хочу, потому что он сам говорит: «Я чувашин». Хотя он родился здесь, но когда у него спрашиваешь: «Ты кто?», он говорит: «Я чувашин!» (Станислав, 32 года).

Другие респонденты оставляют выбор за своими детьми, если они достаточно взрослые:

«Ну ради Бога, пусть развиваются! Почему бы не развиваться? Никому учеба не мешает! Ей самой решать!» (Вера, 54 года).

В ходе опроса одна из респонденток призналась, что в свое время ее дочь посещала подобные курсы:

«Нам раньше предлагали такое, и мы ходили». — «По чьей инициативе пошли на курсы?» — «Естественно, я подталкивала! Не по своей инициативе! Ей было 13 лет тогда, я просто хотела тогда, чтобы не потерялись ее знания. Но ей стало трудно, но ... Мы всей семьей стараемся выезжать в Чувашию летом» (Маргарита Е., 43 года).

Наиболее многочисленной оказалась категория референтов, в целом одобрявшая идею преподавания языка, но затруднившаяся с ответом применительно к своим детям. Причина затруднения для них заключается в том, что

«Трудно представить себе, как возможно собрать всех людей в одном месте» (Лев, 44 года); «Сына бы не стал возить, мы далековато живем» (Олег З., 42 года).

Итак, изучению языка препятствует, с одной стороны, удаленность образовательных центров от мест фактического проживания респондентов, с другой стороны, возраст детей, когда повлиять на их выбор становится затруднительно.

«Это лично мое мнение? По желанию. Потому что свой род, свою нацию, свою традицию, свою культуру нельзя забывать. Дочери-то моей тридцать лет ей... ну так отдала бы с радостью, если бы младше была». (Надежда, 53 года)

Самой неоднозначной, впрочем, является третья категория: респонденты с энтузиазмом отозвались об идее курсов, однако своих детей конкретно туда отправлять на обучение не намерены.

«Я очень... положительно отношусь...но у меня дочь. Дама почти, 21 год. Мое мнение, может, и есть. Язык ведь любой — это целый мир! Но она считает, что... Я пытался дочь много раз возить на родину, особенно в детстве. Но пока у нее такое состояние, что она считает, что ей это не нужно. Этот язык. Может быть, даже... ей было любопытно в какой-то период времени. Я ей тогда покупал книжки, про историю Чувашии там... ну на русском, с картинками. Она интересовалась. Ну, я думаю, это лично мое мнение. Здесь менталитет у людей тот, что... она тоже иностранный язык изучает, она учится на 4 курсе на преподавателя английского языка. Но я так думаю, что когда-нибудь... ну не знаю... а сейчас, может, у нее такая среда, какие-то другие интересы» (Владимир Н., 58 лет).

Кроме того, препятствием для посещения курсов является, по мнению отдельных респондентов, сам чувашский язык:

«Я, наверное, не хотела бы, потому что чувашский язык достаточно сложный. Очень много сложных слов. Литературный сложный. Разговорный — он несложный, а литературный, он сложный. Поэтому те слова, которые используются в литературе, они не укладываются в голове у ребенка — сложно. Поэтому говорить о том, чтобы он его здесь учил, вот этот язык, я бы не настаивала. И даже, наверное, сказала бы, наверное,

чтобы он его не учил. Но чтобы он знал, я бы хотела. Потому что для меня это важно» (Татьяна И., 35 лет).

Наконец, те, кто выступил против идеи преподавания чувашского языка в Москве, свое решение мотивировали его крайней невостребованностью, ненужностью, трудностью в изучении, общей распространенностью русского языка в Москве и необходимостью изучать иностранные языки.

Среди 14 представителей второго поколения чувашской диаспоры в Москве, как выяснилось, отношение к преподаванию языка и идее посещения языковых курсов следующее (табл. 12).

Таблица 12 / Table 12

Хотели бы Вы, чтобы здесь преподавался чувашский язык? / Would you like it to be courses of Chuvash Language here, in Moscow?

Ответ / Answer	Возраст / Age 20—30	Возраст / Age 31—40	Возраст / Age 41—50	Возраст / Age 51—60	Возраст / Age 61—85
Да / Yes	6	1	3		
Нет / No		1			
Все равно / It doesn't matter		1		1	1

Десяти респондентам второго поколения, давшим положительный ответ, был также задан дополнительный вопрос о возможности посещения курсов ими или их детьми (табл. 13).

Таблица 13 / Table 13

Стали бы конкретно Вы или Ваши дети посещать курсы чувашского языка в Московском регионе? / Would you or your children learn Chuvash here, in Moscow region?

Ответ / Answer	Возраст / Age 20—30	Возраст / Age 31—40	Возраст / Age 41—50	Возраст / Age 51—60	Возраст / Age 61—85
Да / Yes	5	1	2		
Нет / No					
Затрудняюсь ответить / I have the difficulties with answer	1		1		

Как видим, старшее поколение, воспитанное в традициях советского подхода к билингвальному образованию, нейтрально к идее организации курсов. Представители когорты 40—50 лет более лояльны.

«Я пришел на курсы чувашского, потому что... Люди обращаются к своим корням, когда... ну когда как бы... зов души. Когда наступают трудности в жизни, тогда зов души и происходит!» (Андрей, 49 лет).

Самой активной, мобильной и лояльной в языковом отношении оказалась когорта 20—30-летних. По словам преподавателя курсов,

«студенты очень ответственно подходят к занятиям, стараются не пропускать. Это дети тех родителей, которые не передали язык; либо оба родителя — чуваша, либо один из них. В любом случае, они, к сожалению, не передали язык. И дети очень хотят его выучить и интересуются» (Оксана А., 26 лет).

Приведем некоторые выдержки из бесед:

«На курсах я оказался, потому что мне интересно. Мне интересен стал язык. Я сначала сам стал учить, нашел самоучитель, потом искал, где можно позаниматься. Узнал, что курсы проводятся здесь. Пришел сюда. И не разочаровался! Но папа не очень хочет практиковать язык со мной... Ну он ничего не объясняет, он у меня вообще не очень разговорчивый» (Сергей И., 25 лет). «В принципе, меня всегда интересовала наша культура и чувашский язык. И, так или иначе, я что-то пыталась читать, и однажды на одном из мероприятий чувашских вышли люди и сказали, что вот будут курсы. Я уже очень давно хожу.. Но, как ни странно, родители отнеслись довольно равнодушно и скептически. «Вот делать тебе нечего, с ума сходишь», как-то так. Ну вот папа до сих пор говорит, что у меня очень странное произношение, и как-то в принципе... в этом плане он не идет мне навстречу. И я это скорее для себя делаю» (Татьяна С., 27 лет).

По свидетельству одной из опрошенных, подобные кружки существовали в Москве и в прошлом:

«Мы ходили раньше. Нас было детей восемь-десять. Нас водили в детстве. Мы ходили на танцы. На чувашские. Мама начала меня тогда водить. Лет с восьми, наверное, я пошла. Песни пели. Но и свое у меня желание было. Вот если бы был такой кружок, как раньше, я бы, наверное, согласилась возить своего ребенка туда» (Ольга, 28 лет). Самая младшая из референтной группы хотела бы посещать курсы чувашского языка: «Ну я бы вот ходила, потому что мне...бабушка с дедушкой иногда что-то говорят, разговаривают, мне хочется понять, о чем они говорят. Или даже если в Чебоксарах хожу, слышу чувашскую речь — тоже интересно (Карина П., 15 лет).

Традиционно язык воспринимается как наиболее мощный символ этничности; другими проявлениями культурной идентичности, по Д. Кристалу, являются ритуалы, музыка, искусство, народные промыслы и другие формы поведения, однако «язык — это первичный указатель, символ и регистр идентичности» [1. С. 39—40]. К изучению этноса отечественным ученым В. Пименовым был применен так называемый компонентный анализ. Компонента этноса, по В. Пименову, есть основная структурная единица высшего ранга. Одной из таких компонент является язык. Каждая компонента, далее, образована из более мелких, дробных структур, таким образом, этнос представляет собой «глубоко и во всех направлениях структурированную систему». В. Пименовым выделены следующие — относительно устойчивые — компоненты этноса в порядке убывания: 1) язык, 2) этнопсихические черты, 3) духовная культура профессионального слоя, 4) обряды, 5) духовная культура фольклорного слоя, 6) материальная традиционная культура. Обладая сознанием и волей, достигнув определенного этапа своей жизни, носитель этнических черт (этнофор — по терминологии В. Пименова) может самостоятельно определить свое отношение и свою принадлежность к данному этносу. Большинство занимает промежуточное положение между крайними позициями — полного принятия или отторжения этнических ценностей [11. С. 19]. При этом ясно, что современные сдвиги в обществе способствуют изменению роли и значения отдельных компонент в системе этноса [11. С. 20].

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе данного исследования респондентам задавался вопрос об их этнической принадлежности, а также конкретно о том, что, по их мнению, делает их чувашем/чувашкой. Среди ответов «чувашский язык» фигурирует примерно в половине случаев в когортах 20—30 лет и 30—40 лет. В более старших возрастных группах язык как мощный символ этничности все более ослабевает. Самой низшей отметки данный ответ достигает в когорте лиц от 60 лет, что связано, возможно, с тем фактом, что многие респонденты, по их собственным словам, уже забыли родной язык и полностью ассимилировались в языковом отношении с русскими.

Первичным при определении языковой лояльности является признание для себя родным языка своего этноса, но существуют и другие признаки, сигнализирующие о повышении или, наоборот, понижении языковой лояльности членов диаспорных групп. В случае с чувашами Московского региона таковым является главным образом изучение и сохранение культурного наследия на своем языке, особенно песенного творчества, а также регулярные встречи с земляками, которые вызывают в наших респондентах «чувство сопричастности», дают возможность «почувствовать себя чувашем даже в Москве».

Мы отметили высокую этноязыковую идентификацию респондентов в нашей выборке, однако для чувашей в диаспорных группах родной язык выполняет скорее символическую функцию, выступает символом групповой идентичности. Чувашаи чтят традиции и обычаи своего народа, стараются передать культуру последующим поколениям, язык для них выступает как культурная ценность в рамках встреч с земляками.

Как отмечено в документе ЮНЕСКО о языковой витальности и угрозе (2003), «члены языковой общины обычно не относятся нейтрально к своему языку. Они могут рассматривать язык как чрезвычайно важный для их общества, идентифицировать себя с ним и продвигать его; они могут использовать язык, не продвигая его; они могут стесняться его и, соответственно, не продвигать его; или же они могут видеть в нем помеху и всячески избегать употребления данного языка». Чувашский язык, хотя его функционирование и сведено к минимуму в условиях Московского региона, тем не менее, оценивается достаточно высоко самими членами диаспоры, признающими его в качестве родного и воспринимающими его как символ принадлежности к таким ценностям, как *малая родина*, *древняя культура* и *род*. В соответствии с оценочной шкалой, составленной для фактора 8 — отношение членов общины к своему языку — в документе ЮНЕСКО, мы можем оценить языковую лояльность членов чувашской диаспорной группы на 1 балл из 5 возможных: «лишь некоторые члены сообщества поддерживают языковое развитие, другие безразличны, если не поддерживают утрату языка». Действительно, при всем положительном отношении к языку (символ семейных традиций, праздников, встреч) большинство опрошенных негласно рассматривают свой язык «как препятствие к экономической мобильности интеграции в общество», если не для себя, то для своих детей, которым, как правило, язык не передают.

По уровням лояльности, предложенным в статье С. Москвичевой [15. С. 482—483], группы «пользователей» чувашского языка в ходе исследования нами вы-

явлено не было в связи с ограниченным функционированием чувашского языка за пределами Урало-Поволжского региона.

Наибольшее число респондентов в нашей выборке представляют так называемые *компетентные* (с высоким уровнем языковой компетенции, выходцы из деревень, из малых населенных пунктов, изучавшие чувашский язык в школе, но использующие его сейчас весьма ограниченно в силу прагматических причин) и *ассимилированные* (пользователи, не демонстрирующие какие-либо типы лояльности, которые бы оценивались ими положительно). Как правило, это выходцы из крупных населенных пунктов или состоящие в этнически смешанных браках.

Крайне ограниченно действует группа *лояльных* (это активисты с высокой языковой компетенцией и аналогичной лояльностью, продвигающие чувашский язык и элементы чувашской культуры, например чувашскую музыку в Москве). Есть и те, кто пребывает в отношении *идеализации языка* (учащиеся курсов, чья языковая компетенция много ниже их высокой языковой лояльности), при этом «данный тип лояльности коррелирует с аффективной потребностью в языке, который может проявляться на различных уровнях любви и привязанности к языку, в частности, в желании войти в круг культурных символов народа, в желании сделать их своими» [15. С. 483].

Именно существование в диаспорной среде двух последних групп — *лояльных* и *идеализирующих язык* — заставляет нас выразить надежду, что в ближайшем будущем чувашский язык в диаспоре Московского региона не угаснет, а языковая лояльность этнических чувашей будет поддерживаться на высоком уровне.

© Куцаева М.В., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Crystal D. Language Death. Cambridge University Press, 2000. P. 81.
- [2] Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В.Ю. Михальченко, М., 2006. 312 с.
- [3] Сулейменова Э.Д., Смагулова Ж.С. Языковая ситуация и языковое планирование в Казахстане / под общ. ред. Э.Д. Сулейменовой. Алматы: Казак университет, 2005. 344 с.
- [4] Кондрашкина Е.А. Динамика языковой лояльности у финно-угорских народов России // Язык и общество в современной России и других странах: Международная конференция (Москва, 21–24 июня 2010 г.): Доклады и сообщения / отв. ред. В.А. Виноградов, В.Ю. Михальченко. М., 2010. С. 185–188.
- [5] Иванов В.П. Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары: Чув. Кн. изд-во, 2005. 383 с.
- [6] Иванов В.П., Матвеев Г.Б. Этнокультурный паспорт чувашского населения Чувашской республики. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2012. 84 с.
- [7] Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. 1996. № 12. С. 33–42.
- [8] Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. М.: Юрайт, 2016. 337 с.
- [9] Агаев А.Г. Функции языка как этнического признака // Язык и общество. М.: Наука, 1968.
- [10] Garipov R. La notion de 'langue native' et les mecanismes juridiques de son developpement chez les petits peuples autochtones du Nord de la Russie // Viaut Alain, Svetlana Moskvitcheva. Categorisation des langues minoritaires en Russie et dans l'espace post-sovietique. Maison des Sciences de l'Homme d'Aquitaine, 2014, 406 p.

- [11] *Пименов В.В.* Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л.: Наука, 1977. 262 с.
- [12] *Беликов В.И.* Надежность советских этнодемографических данных // *Малые языки Евразии: социолингвистический аспект: сб. статей.* М., 1997. 208 с.
- [13] *Алос-и-Фонт Э.* Исследование языковой ситуации в Чувашской Республике: сб. ст./ под ред. И.И. Бойко и А.В. Кузнецова. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. 324 с.
- [14] *Баскаков А.Н., Насырова О.Д.* Языковые ситуации в тюркоязычных республиках Российской Федерации (краткий социолингвистический очерк) // *Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции.* М.: Эдиториал УРСС, 2000. 400 с.
- [15] *Москвичева С.А.* Типы языковой лояльности: на примере карельского языка в Республике Карелия // *Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Международная конференция (Москва, 16-19 сентября 2014 г.); М.: ТЕЗАУРУС-Языки Народов Мира, 2014. С. 479—485.*

История статьи:

Поступила в редакцию: 02.12.2016

Принята к публикации: 10.01.2017

Модератор: О.А. Валикова

Для цитирования:

Куцаева М.В. Лояльность к чувашскому языку в диаспорной группе Московского региона // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность.* 2017. Т. 14. № 1. С. 54—77.

Сведения об авторе:

Куцаева Марина Васильевна, аспирант кафедры лингвистической семантики Московского государственного лингвистического университета. E-mail: moscoop@yandex.ru

LOYALTY TO THE CHUVASH LANGUAGE IN DIASPORA GROUP OF MOSCOW REGION

M. Kucaeva

Moscow State Linguistic University
Ostozhenka 38, b. 1, Moscow, Russia, 119034

This article deals with language loyalty to Chuvash, a truly relic Turkic language, a titular language in the Chuvash Republic, yet mainly spread in diaspora groups. In case of this study it is a diaspora group, inhabiting Moscow and Moscow region. The survey is based on interviewing more than 100 Moscow diaspora members, who claim to be ethnic Chuvash. Apart from an ambiguous category of a native language of ethnic groups in Russia, the paper covers major aspects of ethnic and language loyalty manifested in such categories as A) endogamous marriage practices; B) the prestige and status of other languages as viewed by diaspora members; C) peculiarities of ethnic culture, music, cuisine, customs;

D) wish to transmit this culture to future generations. We've noticed two major tendencies. Speakers would like to improve both symbolic and communicative potential of their language.

Key words: Language Loyalty, Chuvash, Diaspora, Native Language, Ethnic Language, Ethnic Identity, Symbolic Function

REFERENCES

- [1] Crystal D. Language Death. Cambridge University Press, 2000. P. 81.
- [2] Slovar' sociolingvisticheskikh terminov [Dictionary of Sociolinguistic Terms]. Otv. red. V.Yu. Mihal'chenko, M., 2006. 312 s.
- [3] Sulejmenova E.D., Smagulova Zh.S. Yazykovaya situaciya i yazykovoje planirovanie v Kazahstane [Language situation and Language Planning in Republic of Kazakhstan] / Pod obshch. red. E.D. Sulejmenovoj. Almaty: Kazak universitet, 2005. 344 s.
- [4] Kondrashkina E.A. Dinamika yazykovoj lojal'nosti u finno-ugorskih narodov Rossii [Language Loyalty Dynamics in Finno-Ugric ethnic groups in Russia]. Yazyk i obshchestvo v sovremennoj Rossii i drugih stranah: Mezhdunarodnaya konferenciya (Moskva, 21—24 iyunya 2010 g.): Doklady i soobshcheniya / Otv. red. Vinogradov V.A., Mihal'chenko V.Yu.; Institut yazykoznanija RAN, Nauchno-issled. centr po nac.-yaz. odnosheniyam. M., 2010. 543 s. S. 185—188.
- [5] Ivanov V.P. Etnicheskaya geografiya chuvashskogo naroda. Istoricheskaya dinamika chislennosti i regional'nye osobennosti rasseleniya [Ethnic Geography of Chuvash people. Historic Dynamics of population and regional features of settlement]. Cheboksary: Chuv. Kn. izd-vo, 2005. 383 s.
- [6] Ivanov V.P., Matveev G.B. Etnokul'turnyj pasport chuvashskogo naseleniya Chuvashskoj respubliky [Ethnic and cultural passport of the Chuvash population in the Chuvash Republic]. Cheboksary: Chuvashskij gosudarstvennyj institut gumanitarnyh nauk, 2012. 84 s.
- [7] Toshchenko Zh.T., Chapytkova T.I. Diaspora kak ob»ekt sociologicheskogo issledovaniya [Diaspora as an object of social studies]. Socis. 1996. № 12. S. 33—42.
- [8] Belikov V.I., Krysin L.P. Sociolingvistika [Sociolinguistics]. M.: Izdatel'stvo Yurajt, 2016. 337 s.
- [9] Agaev A.G. Funkcii yazyka kak etnicheskogo priznaka [Functions of Language as an Ethnic Indicator]. Yazyk i obshchestvo. M.: Nauka, 1968. 255 s. S. 124—138.
- [10] Garipov R. La notion de 'langue native' et les mecanismes juridiques de son developpement chez les petits peuples autochtones du Nord de la Russie. Viaut Alain, Svetlana Moskvitcheva. Categorisation des langues minoritaires en Russie et dans l'espace post-sovietique. Maison des Sciences de l'Homme d'Aquitaine, 2014, 406 p.
- [11] Pimenov V.V. Udmurty. Opyt komponentnogo analiza etnosa [Udmurts. A case study of the ethnic component analysis]. L.: Nauka, 1977. 262 s.
- [12] Belikov V.I. Nadezhnost' sovetskih etnodemograficheskikh dannyh [The Reliability of Soviet ethnodemographic data]. Malye yazyki Evrazii: sociolingvisticheskij aspekt, sbornik statej. Moskva, 1997, 208 s.
- [13] Alos-i-Font E. Issledovanie yazykovoj situacii v Chuvashskoj Respublike [The survey of language situation in the Chuvash Republic]: sb. st./ pod red. I.I. Bojko i A.V. Kuznecova. Cheboksary: CHGIGN, 2015. 324 s.
- [14] Baskakov A.N., Nasyrova O.D. Yazykovye situacii v tyurkoyazychnyh respublikah Rossijskoj Federacii (kratkij sociolingvisticheskij ocherk) [Language situations in Turkic Republics]. Yazyki Rossijskoj Federacii i novogo zarubezh'ya: status i funkcii. M.: Editorial URSS, 2000. 400 s.
- [15] Moskvicheva S.A. Tipy yazykovoj lojal'nosti: na primere karel'skogo yazyka v Respublike Kareliya [The Case Study of Types of Language Loyalty: the Karelian Language in the Republic of Karelia]. Yazykovaya politika i yazykovye konflikty v sovremennom mire: Mezhdunarodnaya konferenciya (Moskva, 16—19 sentyabrya 2014 g.); M.: TEZAURUS-Yazyki Narodov Mira, 2014. 614 s. S. 479—485.

Article history:

Received: 02.12.2016

Accepted: 10.01.2017

Moderator: O.A. Valikova

For citation:

Kucaeva M.V. (2017). Loyalty to Chuvash Language in Diaspora Group of Moscow Region. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 14 (1), 54–77.

Bio:

Marina Kucaeva is the Graduate student of Department of Linguistic Semantics of Moscow State Linguistic University. E-mail: moscoop@yandex.ru